

* * *

Испуганно глядел на небо ельник.
Полярная звезда брела рекой.
Ночной туман из берегов в деревню
Сбегал, как из кастрюли молоко.

Над лугом кольца стягивали совы.
Тень по стене тянулась от ружья.
А я смотрел в окно на бор сосновый,
Заслушиваясь скрипом бытия.

Светила мандариновая долька
Луны. В углу избы – пастушья плеть
И сапоги, убитые настолько,
Что никогда не смогут умереть.

И страшную река тянула байку
Про лесосплав, про самолёт АН-2.
Всю ночь старуха штопала фуфайку
И думала, что всё ещё жива.

На убранном столе светились крошки.
Сквозь брёвна проступала немота.
Курил пастух, и голубые мошки,
Как из дупла, летели изо рта.

Я вырос в тех краях, где мало света,
Где тьма порой рождается из тьмы.
Из снега – снег. Где маленькое лето,
Как дырка на подоле у зимы.

Я помню неба низкого изнанку,
Когда гундосил дождь, как пономарь.
И женских споров – красную волчанку.
И лесовозов выхлопную гарь.

Ещё лай ветра, череду заборов.
И праздники с гармонью и треской

В кровоподтёках пьяных разговоров,
А после – с неизменной тоской.

Там над убогой почвой крыши чахли.
О новой смерти ворон голосил,
Но звёзды там черёмухою пахли.
И Бог со мной ночами говорил.

* * *

Смеркалось. За окном зима уснула.
И кошка, в потолок хвостом трубя,
Угля чернее,
 в ухо мне шепнула:
– Не спрашивай, что было до тебя.

Как я устала, постоянно плачу!
Ни ласки, ни веселья, ни любви!
И холод этот на полу собачий.
И брови бородатые твои.

Люби меня за пропасть между нами,
За то, что кем-то я всегда больна.
За то, что нам не надо рукавами
Соприкасаться – вот моя спина!

За то, что спать люблю в твоём портфеле –
Там снятся мне особенные сны.
За то, что я рожу уже в апреле.
Готовь коробку с пледом шерстяным!

– Что, – говорю, – идея мне не очень!..
Она в ответ:
– Ложись, уже пора!
И белый ус мурлыкал против ночи,
И ни на чём держался до утра.

* * *

Ни дорог, ни вороньих раскатистых дрязг.
Дом, заваленный снегом по горло.
Только цепи собачьей мерещится лязг
Вдоль кривого, как нечисть, забора.

Никого. Пустота от крыльца до крыльца.
Вышел месяц, как нищий на паперть.
Из пореза его в половину лица
Хлещут звёзды на чёрную скатерть.

Было время: здесь пёс с неподдельной тоской
Выл, когда проходили цыгане.
Все ушли, даже он. Звук остался цепной.
Нет не то. Просто мелочь в кармане.

Просто ветер скулит и, то руку лизнёт,
То вьюнком дурковатым наглееет,
То, как зверь во всю мочь из трубы заревёт,
То газету к воротам приклеит.

Там за полем вдали свет трамвайных огней,
Чехарда их копытного стука,
Там дорога сидит на цепи фонарей
И рычит недоверчивой сукой.

Там воркует на рельсах толпа голубей.
Ночь в цветные витрины одета.
И дворняга качаловских, местных кровей
Залетает в трамвай без билета.

Круг за кругом, и снова: аптека, ангар,
Склад, цыган разбитная ватага,
Снова облако тает по кличке Мухтар.
Мчит трамвай. Смотрит в небо дворняга.

* * *

День прожит и уже забыт.
Сбивается погода с такта.
В четыре стороны глядит
Зимы московской катаракта.

Зима слепа, но ей назло,
Пройдя моря и реки сора,
Упало белое крыло
На клавиши из монитора.

Пиши, поэт, пока душа
К себе самой летит на свечке,
Пока ты лунку продышал
И видишь кровь на Чёрной речке

Пока Восток орех грызёт,
И дремлет Запад – кот учёный,
Пока в когтях тебя несёт
Над Лукоморьем Дуб зелёный.

Пиши, разматывая путь,
Кати клубок в иных просторах.
Слова помогут отомкнуть
Замок на клетке монитора.

И выйдет ангел-серафим –
Шесть крыльев из огня и света;
Он будет в точности таким,
Как на картинках интернета.

Пусть за окном кипит в тщете
Москва, похожая на улей.
У Чёрной речки в животе
Навек звезда застряла пулей.

* * *

Скособоченный храм у дорожной петли.
Сборы. Тьма. Кислый запах тулупа.
Вот на санках трёхлетку, меня, повезли
В дымных сумерках зимнего утра.
Мне так хочется спать. Сон важнее всего.
Ветер. Спины старух. Засыпаю.
Все кругом говорят: Рождество! Рождество!
Я один только не понимаю.
А проснулся – украшено елью крыльцо,
Много света, тулупа изнанка.
И меня угощают варёным яйцом,
А ещё леденцом и баранкой.
Солнце низкое нянчится в птичьем гнезде.
Пьяный нищий стоит над могилой.
И от гречневой каши в его бороде
Снегири отказаться не в силах.